

Виктория Викторовна Ефимова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-х гг.

В статье на примере Олонецкой губернии 20-х гг. XIX в. выясняется, в какой мере проявлялись такие черты этноконфессиональной политики Российской империи, как этатизм, патернализм, толерантность, допущение разных моделей управления, действие по принципу «ad hoc». В результате автор приходит к заключению, что в рассматриваемый период к населению губернии не применялись такие принципы, как толерантность и допущение разных моделей управления. Из прочих черт, безусловно, доминировал этатизм, наиболее ярко проявившийся в совместном решении местных церковных и светских органов, поддержанных центральным правительством, о скорейшем выведении карельского языка из употребления как «языка раскола». При этом языковые предпочтения самих карелов не учитывались.

Ключевые слова: Российская империя, этноконфессиональная политика, Олонецкая губерния, 1820-е гг.

В современной отечественной литературе этноконфессиональная политика российского государства в дореволюционный период (а значит, и в интересующий нас период) характеризуется следующими чертами: 1) *этатизм*, т. е. подчиненность интересам внешней и внутренней безопасности государства, в силу чего этносы были не субъектами, а объектами государственной политики, от которых требовалось вне зависимости от языка и религии соблюдать верность престолу; 2) *патернализм*, т. е. позиционирование императора как «отца» всех подданных, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности; 3) *толерантность*, т. е. «избегание по возможности правовой дискриминации по конфессиональному или этническому признаку»; «уважение статусу присоединяемой территории и проживающего на ней населения» и «сотрудничество с нерусскими элитами»; 4) понимание центральным правительством того, что «управлять территориями, населенными

народами, входившими в состав России в разное время, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления, суда, земельных отношений было невозможно»; 5) «адаптация принципов к конкретным ситуациям, конфессиям и народам в соответствии с принципом *ad hoc* – смотря по обстоятельствам» [Каппелер 2000: 83, 86; Суни 2001: 54; Полунов 2003: 198–199; Федоров 2003: 177; Слезкин 2008: 83–88, 442; Трепавлов 2009: 61–65; Миронов 2017: 143–152, 182]. Представляется важным выяснить, в какой мере проявлялись данные черты в 1820-е гг. на примере Олонецкой губернии.

Выбранный нами период интересен тем, что именно на эти годы приходится: 1) апогей проводимого Александром I уникального религиозного эксперимента, вскоре им же прекращенного; 2) становление конфессиональной позиции Николая I, названной либеральными дореволюционными и советскими историками в ее окончательном виде по отношению к раскольникам реакционной (репрессивной); 3) нахождение Олонецкой губернии под началом не только губернатора, но и архангельского, вологодского и олонекского генерал-губернатора.

Выбранная нами губерния интересна тем, что: 1) ее территория давно была интегрирована в состав России, а после присоединения в 1809 г. к Российской империи Финляндии с точки зрения административной уже не считалась и окраиной; 2) здесь находился крупнейший центр старообрядчества – Выгорецкая обитель; 3) на ее территории наряду с русскими проживали карелы и вепсы¹. Впрочем, эти два этноса были настолько интегрированы в социальную структуру общества, что ни в правовом, ни в конфессиональном отношении в рассматриваемый период ничем не отличались от русских крестьян. Будучи отнесенными к государственным крестьянам и «старокрещенным народам», они при проведении общих ревизий (переписей населения) вплоть до середины 40-х гг. XIX в. никогда не считались отдельно [Каппелер 2000: 91; История Карелии 2001: 208]. Более того, карелы не имели на тот момент национального самосознания и элиты, способной его сформировать². В силу этого можно уже заключить, что третья (в части «уважение статус-кво территории и проживающего на ней населения» и «сотрудничество с нерусскими элитами») и четвертая черты этноконфессиональной политики Российской империи в отношении к нерусскому населению Олонецкой губернии в рассматриваемый нами период не применимы.

¹ Открытие вепсов для науки, их выделение в самостоятельный этнос, отличный от карелов, произвел в середине 1820-х гг. А. М. Шётрен.

² Первые более или менее объективные данные об общей численности карелов и вепсов были собраны силами духовенства лишь в середине 1830-х гг. [Пашков 2010: 100–102].

Что касается второй черты (патернализм), то она была налицо, так как буквально накануне интересующего нас периода, а именно в 1819 г., Александр I посетил Олонецкую губернию. Это путешествие, как и другие, осуществлялось царем с целью узнать больше о своих подданных и показать его заботу о жителях всей империи³. Маршрут путешествия пролегал через места, населенные как русским, так и карельским населением, часть которого в конфессиональном отношении придерживалась старообрядчества⁴. Впрочем, в ходе путешествия по губернии царь усердно посещал православные церкви, монастыри и пустыни, а ее население, независимо от национальности и религиозных предпочтений, с ликованием встречало государя. Одним из итогов этого путешествия было признание царя, сделанное в Каргополе на обратном пути из Архангельска в частной беседе с домочадцами купца Алексея Вешнякова: «Мне сказывали прежде, что природа здесь скудна, а люди грубы и не образованы⁵, но Я заметил почти противное: воздух здоров, природа вполне, кажется, вознаграждает человека, а что касается жителей, то они развитием своим нисколько не уступают прочим местностям Моей империи; одним словом, въехав в Олонецкую губернию, Я встретил совершенно противное тому, что у нас в С-Петербурге, или, вернее, что сказали Мне про Олонецкую губернию» [О высочайших посещениях 1877: 27–28].

Осталось проверить, в какой мере проявлялись прочие черты этноконфессиональной политики. Итак, повторимся, на самое начало 1820-х гг. приходится апогей реализации уникальной религиозной политики, суть которой состояла в утопической попытке создания «общехристианского „евангелистского“ государства», в котором существует «приоритет единых христианских ценностей перед конфессиональными, общегосударственных перед национальными» [Стелецкий 1901: 217–219; Кондаков 1998: 50, 60; Вышленкова 2002: 3–4, 133–136]. Главным проводником этой политики в России стало Российское библейское общество (РБО)⁶, а также учрежденное в 1817 г. Министерство духовных дел и народного просвещения под управлением А. Н. Голицына. На начало 1820-х гг. РБО приобрело по всей стране разветвленную сеть местных отделений, «со-

³ Оставим в стороне мнения некоторых исследователей об истинных целях послевоенных путешествий Александра I [Уртман 2002: 308–322].

⁴ В частности, в посещенных царем городах на 1815–1816 гг. числилось старообрядцев: в Вытегре – 83; в Каргополе – 15; в Петрозаводске – 68; в Олонце – 130 человек [Ружинская 2002: табл. 4 в Приложении].

⁵ Здесь царем имелись в виду Архангельская и Олонецкая губернии.

⁶ Как Санкт-Петербургское существует с 1812 г., как Российское – с 4 сентября 1814 г.

товариществ» (их филиалов) и корреспондентов, а новое министерство активно проводило в жизнь принцип «самой широкой веротерпимости», дозволив заводить отделения РБО даже в учебных заведениях. Очень скоро министерство «стало отождествляться с Библейским Обществом» [Стелецкий 1901: 185].

Одной из главных целей РБО было сделать доступным Священное писание всем народам империи. Для этого усилиями членов общества, как писал в феврале 1826 г. в своей записке Николаю I президент РБО митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский), был предпринят его перевод и вместе с ним некоторых других религиозных текстов, напечатанных «на славянском и русском языках и на прочих, жителями Империи употребляемых» [РГИА 1409: Оп. 2. Д. 4663. Л. 11; ПСПР 1915: 119–123]. Так как в Олонецкой губернии комитета отделения РБО создано не было⁷, инициативу по переводу «на карельский язык Олонецкого наречия» одного из Евангелий взял на себя митрополит Серафим⁸. Заказ был выполнен в 1820 г. учениками Новгородской духовной семинарии⁹. РБО одобрило перевод, но сочло «за нужное» узнать, довольны ли будут им «олонецкие карелы», а заодно – «сколь велико число людей, говорящих оным и много ли из них разумеющих по-русски и знающих читать». Эти сведения нужны были РБО, чтобы понять, сколько следует напечатать экземпляров Евангелия, переведенного на карельский язык. «Экспертизу» было поручено провести священнику Федорову, который дал в конце 1820 г. неблагоприятное заключение, написав, что данный перевод годен только для карелов, живущих в нескольких приходах Олонецкого и Петрозаводского уездов, а в других приходах Петрозаводского уезда не понимают «многих карельских слов Олонецкого наречия, потому что у них язык корельский есть вовсе испорченный и неправильной»¹⁰. Также, писал священник, «корелы, живущие в Повенецком уезде, называемы лопляне», не знают ни того, ни другого, и их язык «также неправильной и испорченной» [НА РК 126: Оп. 3. Д. 1/13. Л. 1–4]. В результате перевод так и не был

⁷ По крайней мере, в списке комитетов отделений РБО, существовавших в губерниях, представленном Николаю I в 1826 г., Олонецкой губернии не значилось [РГИА 1409: Оп. 2. Д. 4663. Л. 97–107].

⁸ В церковно-административном отношении Олонецкая губерния до 1828 г. находилась в составе Новгородской епархии.

⁹ Оговоримся, что одним из первых из современных исследователей историю о переводе на карельский язык священных текстов ввел в научный оборот М. В. Пулькин [Пулькин, Захарова, Жуков 1999: 110; Пулькин 1999: 36–38].

¹⁰ Исследователи полагают, что речь шла о вепсах.

напечатан¹¹. Неудачной оказалась и попытка в 1821 г. подсчитать количество карелов и вепсов, проживающих в Повенецком и Петрозаводском уездах Олонецкой губернии¹². В 1824 г. религиозный эксперимент был прекращен, так как верховная власть пришла к убеждению «о необходимости сохранения государственной церкви как политического института» [Вышленкова 2002: 47; Федоров 2003: 187]. Само общество было формально упразднено уже при Николае I в апреле 1826 г. [ПСПР 1915: 79 (№ 67)].

Примечательно, что карелы привлекли внимание правительства в начале 1820-х гг. еще по одному поводу – в качестве старообрядцев. Но следует сразу оговориться, что старообрядцы были не только среди карельского, но и среди русского населения. Изучение действовавшего в 1820-х гг. законодательства и реальной административной практики по отношению к старообрядцам в Олонецкой губернии приводит нас к невозможности согласиться с утверждением некоторых авторов, что до 1830 г. веротерпимость (толерантность) была одной из самых характерных черт этноконфессиональной политики империи [Миронов 2017: 232]. Было бы точнее сказать, что политика в отношении старообрядцев в интересующий нас период была не только крайне противоречивой, но и «ситуативной», т. е. принимаемой часто по конкретному казусу¹³.

Если же говорить о периоде правления Александра I, то нам представляются также верными следующие утверждения: 1) «„практическая политика“ его правительства... выражалась в том, чтобы „не замечать“ старообрядчества» [Вургафт, Ушаков 1996: 15], 2) «светские структуры» весьма лояльно относились к староверам [Тяпин 2002: 58; Палкин 2016: 90], 3) тогда вообще не было создано общегосударственной концепции взаимоотношений со старообрядцами [Ружинская 2002: 48, 107].

Продemonстрируем это сначала на примере действовавшего в их отношении законодательства. С одной стороны, по-прежнему имели силу еще «екатерининские узаконения», предоставлявшие старообрядцам

¹¹ То, что на карельский язык переводились и другие тексты, свидетельствует совершенно неожиданный источник, а именно: дело о так называемом «французском парламенте». В 1821 г. мелкие чиновники, служившие в разных государственных учреждениях Олонецкой губернии, создали под таким названием шуточное общество. При принятии в него новых членов их приводили к присяге, которая состояла из молитвы, «отче наш», переведенной на карельский язык. «Забава» эта, как свидетельствовал один из главных его участников – коллежский регистратор Василий Марьянович, «известна была всем почти жителям Петрозаводска и самому губернатору» [РГИА 1409: Оп. 2. Д. 4816; Авл. 1924: 133].

¹² Смотри об этом подробнее: [Ружинская 2002: 72–73; Ефимова 2017: 133–135].

¹³ У Б. Н. Миронова этот принцип этноконфессиональной политики сформулирован как политика, предполагающая действия «в соответствии с принципом *ad hoc* – смотря по обстоятельствам» [Миронов 2017: 182].

право носить бороды и неуказное платье (1764 г.), допускать в спорах между собой к присяге и свидетельству (1769 г.), избираться в городские службы (1785 г.) [ПСЗ-1: Т. 16, № 12067; Т. 18, № 13255; Т. 21, № 15584; Т. 22, № 16238; Т. 25, № 88428]. Александр I также подтвердил старообрядцам право строить церкви (1807 г.); выбирать в городские должности, но только тех из «поповцев», кто приемлет священничество, а из беспоповцев – тех, кто молится за царя, если «не найдется из православных» (1820 г.); оставлять у себя беглых священников, если они не совершили никаких уголовных преступлений (1822 г.) [ПСЗ-1: Т. 29, № 22646а; НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 3–12].

С другой стороны, действовал подтвержденный еще Павлом I указ «неизменно» предавать гражданскому суду тех из старообрядцев, кто не признает Русскую православную церковь, государя и установленные им власти (1800 г.). В 1810 г. учрежденному Министерству полиции было вменено в обязанность «ведать раскольников» [ПСЗ-1: Т. 26, № 19352; Т. 31, № 24678 (§ 10)]. Начиная с 1811 г. сведения об их численности губернаторам было предписано указывать в своих ежегодных отчетах. С 1816 г. раскольники были поставлены «под ближайший надзор» министра внутренних дел. Надзор проявлялся не только в учете числа старообрядцев¹⁴, но и, например, в выдаче разрешения на ремонт и строительство их молитвенных домов и часовен только с «высочайшего дозволения». Однако уже в «правилах о раскольниках» 1822 г. был закреплён запрет строить новые старообрядческие молитвенные дома и часовни¹⁵. С конца 1823 г. приговоры уголовных палат по делам об отступлении от православия должны были представляться на утверждение министра внутренних дел. 14 мая 1825 г. в Петербурге был учрежден Секретный комитет по делам о раскольниках [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 9; Министерство внутренних дел 1901: 92]. Появление этого комитета являлось одним из явных свидетельств окончания «религиозного эксперимента»¹⁶.

При характеристике религиозного курса Николая I в отношении старообрядцев в первое пятилетие его правления следует быть, по нашему мнению, также весьма осторожным и не спешить обращаться на него

¹⁴ Не случайно в хранящихся в фонде Комитета министров отчетах министра внутренних дел середины 1820-х гг. можно найти обобщенные сведения о численности представителей разных конфессий (в том числе старообрядцев) со времени VII ревизии (1816–1817 гг.) [Кабузан 2008: 150].

¹⁵ Предполагаем, что этот запрет был реакцией на петицию царю ржевских старообрядцев, просивших дозволить им выстроить моленный дом [Скворцов 1895: 61–62].

¹⁶ В Олонецкой губернии «секретный совещательный комитет по делам раскольников» действовал с 1839 г.

бытующую в отечественной историографии оценку этого курса как репрессивного, обычно даваемого всему периоду правления этого императора. Считаем, что в эти годы она только формировалась. Так, например, в 1826–1827 гг. в религиозной сфере велась весьма «вылая» законодательная деятельность, которая в основном сводилась к подтверждению прежних узаконений¹⁷. Новеллами следует признать лишь два узаконения. Во-первых, это именной указ министру внутренних дел от 3 июля 1826 г., предписывавший все сведения о числе существующих в государстве сект и расколов отныне собирать в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, что ясно дало понять чиновничеству, какое значение новый царь придает этому делу [ПСЗ-2: Т. 1, № 449]. Во-вторых, это высочайшее повеление от 24 мая 1827 г., предполагавшее всех бежавших после 1822 г. к старообрядцам попов считать совершившими уголовное преступление, за которое судить епархиальным судом, а всем давним раскольничьим попам запретить переходить даже внутри губернии из уезда в уезд. При нарушении этого запрета местным властям предписывалось поступать с ними как с бродягами¹⁸.

Впрочем, спор о том, что же из себя представляла в отношении старообрядцев политика первых лет правления Николая I, продолжается. Так, например, С. Таранец полагает, что уже в 1826 г. принятием целого ряда указов Николай I «свел на нет» полученные старообрядцами при Екатерине II и Александре I права [Таранец 2012: 270]. Нам же ближе позиция Т. Н. Жуковской, которая считает, что «с 1826 и до начала 1830-х гг. в правительственных сферах» шел интенсивный поиск «новых духовных опор» нового царствования и «православие не могло бы занять место этического стержня официальной идеологии, если бы не соответствовало искренней и глубокой вере императора». Оно «поднималось на щит» для обоснования того, «что преданность алтарю и престолу нераздельны в народном сознании» [Жуковская 2007: 88]. В связи с этим очень скоро раскол станет рассматриваться как отступничество от православия, нетерпимое и государственными институтами. Но все это произойдет, повторимся, не ранее 1830 г., когда законодатель классифицирует «расколы и ереси», разделив их на «особенно вредные» и «соединенные с жестоким изуверством», чтобы различать их при определении наказания.

¹⁷ Например, указом Сената от 19 июля 1827 г. был подтвержден указ Синода от 14 августа 1808 г. о том, чтобы дела о лицах, вступивших в брак по раскольническому обряду, судились гражданским, а не духовным судом. Такие браки считались незаконными [ПСЗ-2: Т. 2, № 1257].

¹⁸ Реестр секретных предписаний министров с 1828 по 1837 г. [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 12].

Но при этом наказывать предписывалось лишь тех из раскольников, кто в судебном порядке был изобличен в «распространении своей ереси и привлечении к оной других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства православной веры» [ПСЗ-2: Т. 5, № 4010]¹⁹.

Отсутствие внятной правительственной политики в отношении старообрядцев в 1820-е гг. ставило в тяжелое положение возглавлявших в это время Олонецкую губернию генерал-губернаторов и губернаторов²⁰. Так, например, когда 29 мая 1820 г. последовал секретный указ и разъясняющий его циркуляр МВД о пресечении «распространения федосеевского согласия или беспоповщины», то генерал-губернатор А. Ф. Клокачев решил перестраховаться, предложив 4 июля Олонецкому губернскому правлению «приказать» земским судам и городничим провести учет не только беспоповцев, но и всех старообрядцев и донести прямо ему, сколько таковых будет найдено. Сбор информации проходил в течение 1820–1822 гг. [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 36. Л. 327; НА РК 1: Оп. 46. Д. 1/11; Оп. 36. Д. 18/1; НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 4–8; ВЦА 233: Оп. 1. Д. 114. Л. 1–39]. Генерал-губернатор при осмотре в конце 1820 г. Повенецкого уезда лично побывал в выговских старообрядческих монастырях, где с удовлетворением отметил процветающее у них земледелие [РГИА 1409: Оп. 1. Д. 3796. Л. 6; ГААО 1367: Оп. 1. Д. 36. Л. 716]²¹. В июле 1821 г. раскольников монастыри посетил губернатор В. Ф. Мертенс, «чтоб в сказки прописать» женское население²². В результате федосеевцы были обнаружены лишь в Пудожском уезде в количестве 25 человек [Ружинская 2002: 48, 92].

В ходе сбора этой информации произошел инцидент, наглядно показывающий трудность положения местных светских властей в отношении старообрядцев. При сборе информации в Повенецком уезде земская полиция стала требовать от женщин, проживавших в самом Лексинском

¹⁹ В таком виде эта классификация войдет в 1832 г. и в XV т. Свода законов Российской империи.

²⁰ Архангельское, Вологодское и Олонецкое генерал-губернаторство существовало с 1820 по 1830 г.

²¹ Однако заметим, что процветание земледелия было вызвано тем, что выгорецкие монастыри и их скиты в XVII–XVIII вв. захватили лучшие земли в округе. Среди таковых, например, были шунгитовые «черноземы» в Петрозаводском уезде (Заонежье) и 13 тыс. десятин земельных угодий в Чажентской пустыни (Каргополье). Уже в конце XVIII в. их пашни поражали современников. Так, по сведениям академика Озерецковского даже в одном из самых неблагоприятных для земледелия Пудожском уезде засеивалось около 70 четвертей овса, а на конец 1830-х гг. – вдвое больше [Амозова 2007: 98, 102; Юхименко 2016: 376].

²² В. В. Керов свидетельствует, что олонецкий губернатор и другие чиновники неоднократно приезжали и до этого на Выг. Контекст его изложения ясно дает понять, что выговские старообрядцы «откупались» от местной администрации [Керов 2004: 162, 164, 166].

монастыре или около его, плакатные паспорта²³. Выговский большак Кирилл Михайлов подал жалобу напрямую генерал-губернатору Клокачеву. Тот 2 октября 1821 г. потребовал от недавно назначенного олонекским губернатором А. И. Рыхлевского пресечь эти преследования, напомнив, что «высочайшая воля есть, чтобы со стороны правительства не было излишних притязаний к старообрядцам», а 19 декабря предложил губернатору держать в поле зрения старообрядцев, но действовать так, чтобы старообрядцы не знали, что за ними «есть неослабный правительственный надзор», который в случае неосторожных их действий может иметь «неприятнейшие последствия для самого правительства». По поводу же жалобы генерал-губернатор советовал поступить следующим образом: объявить монахиням через их старшину Михайлова, «не согласятся ли они записаться по месту жительства в это Выгорецкое общежительство», а старообрядцам, «которые временно (для богомольства или работ) там пребывают, иметь основания законные (виды и паспорта)». В заключение А. Ф. Клокачев просил А. И. Рыхлевского поспешить с присылкой к нему сведений о старообрядцах, которые «и донныне ему не доставлены» [Пашков 2006: 64; ГААО 1367: Оп. 1. Д. 84. Л. 1128–1130].

Распространение старообрядчества, безусловно, стало одной из главных причин создания самостоятельной Олонецкой епархии. В научной литературе распространено мнение, что эта история началась в 1822 г., а его главной движущей силой был уже упомянутый нами выше митрополит Серафим [НА РК 593: Оп. 3. Д. 2 (т. 1). Л. 148–154; Олонецкая епархия 2001: 9]. По нашим же сведениям, с инициативой учреждения отдельной епархии уже летом 1821 г. во время своего пребывания в Петербурге «вышел» в правительство генерал-губернатор Клокачев. В своем отношении к министру А. Н. Голицыну от 2 декабря 1821 г. он так представил события: «Губернатор Рыхлевский обозревал Олонецкую губернию и известил меня, что духовенство наше большею частью по уездам и особенно в приходах, находящихся по близости к старообрядческим обществам, можно сказать, отлично худо – вообще люди дурной нравственности, без всякого образования и крайне жадны к прибытку и не только не радуют о должности назидания и просвещения вверенной им паствы, но еще напротив неприличными своими поступками подают повод к большому отвращению от православия²⁴. Оным старообрядцы и умеют пользоваться – в самом г. Повенце, в уезде коего состоят старообрядческие монастыри, с 17 марта

²³ Напомним, что такие паспорта давали право «отлучки» крестьянам от своих селений на промыслы и удостоверяли одновременно, что они не беглые.

²⁴ В ф. 25 Олонецкой духовной консистории действительно хранится несколько дел, свидетельствующих о неприличном поведении священников.

ни разу не было совершено Божьей литургии, о чем от городничего имеет губернатор сведения. Хотя Рыхлевский и не делает формального представления, но я считаю необходимым донести Вам, тем более, что и я, обозревая Олонецкую губернию, оное же заметил относительно сельского духовенства и будучи в Санкт-Петербурге, имел с Вами беседу, что не благоугодно ли будет учредить в Петрозаводске Епархию, о чем и с митрополитом изъяснялся»²⁵.

По-видимому, именно тогда генерал-губернатору было предложено сделать официальное представление об этом, результатом чего и стало его отношение к А. Н. Голицыну от 2 декабря 1821 г. Главные аргументы необходимости учредить новую епархию генерал-губернатор свел к следующему: 1) за духовенством Олонецкой губернии «не имеется надлежащего надзора, который бы имел местный Преосвященный»; 2) «еще при Екатерине II предполагалось в г. Петрозаводске быть особому Архиепископу»; 3) «по множеству раскольников, в сей особенно губернии существующей издревле, при недостатке добрых священников в приходах раскол преумножается, но конечно бы епархиальное начальство отвратило вредное оных распространение». В заключение генерал-губернатор напомнил министру, что тот согласился не только на его предположение, но и на то, чтобы «архиепископу иметь жительство в Александро-Свирском монастыре, где ныне имеется и местное духовное училище, которое могло бы при епархии превратиться в духовную семинарию» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 84. Л. 1063–1064].

В феврале 1822 г. в ответ на представление губернатора Рыхлевского о старообрядцах от 9 января Клокачев написал ему «по секрету», что он предполагает будущим летом быть в Петрозаводске и к этому времени просил доставить ему сведения: «какой, по Вашему мнению, нужен со стороны Правительства надзор за старообрядцами или ревизия в их жилищах и каким образом удобнее, считаете Вы, сие учредить, не нарушая спокойствие обитателей», чтобы не было «неприятных последствий», а также высказать свое мнение – «в чем особенно они вредны в обществе, а паче для тамошнего края?» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 133. Л. 138].

Безусловно, что об этой переписке был извещен митрополит Серафим. 24 апреля 1822 г. он представил в Синод свое донесение, приложив к нему списки с представлений Рыхлевского и Клокачева. Митрополит не только поддержал аргументы светской администрации, но и предложил план учреждения епархии. Синодом был подготовлен доклад царю, но его

²⁵ Безусловно, имелся в виду только что назначенный 19 июня 1821 г. во главе Новгородской, Санкт-Петербургской, Эстляндской и Финляндской епархий митрополит Серафим.

дальнейшее представление было приостановлено запросом к Серафиму с требованием приложить к нему план фасада и смету суммы, необходимой на исправление Александро-Свирского монастыря. На эти расчеты ушло шесть лет. Главной причиной задержки, полагают создатели летописи Петрозаводского кафедрального собора, было то, что олонецкая гражданская администрация и жители Петрозаводска хотели, чтобы местом жительства епископа был не уединенный монастырь, а губернский город [НА РК 593: Оп. 3. Д. 2 (т. 1). Л. 152–154]. Подтверждение этого мы нашли и в переписке генерал-губернатора и губернатора. Так, например, 26 октября 1822 г., отвечая на представление губернатора Рыхлевского об учреждении новой епархии, Клокачев предложил ему обдумать, что «если нельзя архиерею пребывать в монастыре», то «какие ему следует отвести угодья» для поселения в Петрозаводске, так как там нет «земель экономического ведомства» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 132. Л. 418].

Видимо, еще в отсутствие генерал-губернатора²⁶ губернатор Рыхлевский, выполняя поручение Клокачева, в начале 1823 г. сделал официальное представление министру внутренних дел В. П. Кочубею «о распространяющемся расколе в Олонецкой губернии» и мерах борьбы с ним. В частности, он предлагал: 1) чтобы в приходы Пудожского и Повенецкого уездов, где находятся старообрядческие скиты, назначать священниками «предпочтительно примерной нравственности и сколь можно более образованных, которые не только бы могли благоразумными внушениями подкреплять в православие готовых отпасть от оногo, но заблудших уже обратить на путь истинный...»; 2) чтобы священники этих уездов вели строгий учет всех рожденных детей у старообрядцев и не допускали «соревнования» между собой за право обвенчать кого-либо, в силу чего «каждому старообрядцу венчание обходится дешевле, чем православному в своем приходе». Эти предположения В. П. Кочубей передал А. Н. Голицыну, который, между прочим, 14 сентября 1823 г. распорядился провести Новгородской консистории расследование по указанным губернатором фактам [НА РК 25: Оп. 7. Д. 21/6; Ружинская 2002: 78].

Примечательно, но среди зарегистрированных в исходящем журнале распоряжений генерал-губернатора С. И. Миницкого за 1823–1825 гг. распоряжения, которые бы касались старообрядцев, были чрезвычайно редки²⁷. Это некоторым образом опровергает утверждение И. Н. Ружинской.

²⁶ А. Ф. Клокачев внезапно скончался 2 января 1823 г. Заменявший его С. И. Миницкий приступил к должности только в мае 1823 г.

²⁷ Мы обнаружили лишь два таких предложения: от 11 октября 1823 г. и 5 апреля 1824 г. [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 191. Л. 427; Д. 262. Л. 304].

что эти годы были «прелюдией» к годам реакции Николая I в отношении старообрядцев. Однако, будучи в начале марта 1824 г. в Петрозаводске проездом в Санкт-Петербург, Миницкий, осмотрев вместе с Рыхлевским две ветхие церкви²⁸, «совещались» по поводу необходимости их ремонта, чтобы они не являлись «нелицеприятным примером незаботливости правительства о храмах божьих». Уже 18 марта губернатор сделал генерал-губернатору официальное представление со сметой на ремонт. Находящийся в это время в Петербурге С. И. Миницкий ходатайствовал об их ремонте перед императором и министром А. Н. Голицыным. Среди причин необходимости выделить на ремонт насчитанные 42845 руб. в своем отношении от 27 мая 1824 г. к Голицыну Миницкий указал и такую: немалая часть из граждан Петрозаводска, особенно зажиточных, это старообрядцы, которые «не ходят в храм Божий, а может быть еще радуются упадку оных и готовы стараться об их уничтожении». 8 июля 1824 г. Александр I повелел отпустить требуемую сумму [НА РК 1: Оп. 36. Д. 23/11. Л. 1–4; ГААО 1367: Оп. 1. Д. 262. Л. 243; РГИА 1409: Оп. 1 (1824). Д. 4330. Л. 23].

Одним из итогов правления Александра I является существенный рост числа старообрядцев. Так, например, в Олонецкой губернии, по подсчетам И. Н. Ружинской, только по официальным данным их количество за 10 лет – с 1815 по 1825 г. – увеличилось на 1/4 и составило 8764 человека, что, в свою очередь, означало, что каждый двадцатый житель губернии, а в Повенецком уезде – каждый пятый был старообрядцем [Ружинская 2002: 82–83 и табл. 4 в Приложении 5]. Важно заметить, что именно в этом уезде по уточненным данным переписи 1836 г. карелы составляли около 65% всех жителей. Однако общее число старообрядцев, как признавала сама олонецкая губернская администрация в 1829 г. в лице вице-губернатора Б. И. Пестеля, было весьма заниженным [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 18].

В первые два года правления Николая I по имеющимся в нашем распоряжении документам мы также не смогли выявить каких-либо примечательных действий по поводу старообрядцев ни со стороны генерал-губернатора С. И. Миницкого, ни со стороны олонецкого губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита. Заметим только, что последний, уехав летом 1827 г. в отпуск, представил министру внутренних дел «Описание Олонецкой губернии». В одном из его разделов, посвященных духовенству, констатировалось, что «по всем отношениям положение Олонецкой епархии настоятельно требует особого пастыря. Ныне вообще в губернии церкви

²⁸ Первая церковь – деревянная – была памятником еще петровской эпохи, вторая – каменная, построена в 1780 г. Дело о ремонте второй церкви возникло еще в 1801 г., но не продвигалось из-за скудости городского бюджета и частных пожертвований.

малочисленны и бедны. Духовенство не имеет почти никакого веса. Секты старообрядцев издавна овладели умом народа. ... Ближайшее присутствие архипастыря даст иной вид епархии почти забытой – и, конечно, обновит усердие к истинной вере...» [НА РК 27: Оп. 2. Д. 4/53. Л. 4об.–5].

Инициатором более активных действий против старообрядцев Олонецкой губернии в интересующий нас период следует все же признать не губернскую администрацию во главе с генерал-губернатором С. И. Миницким, а сенатора Д. О. Баранова, который с октября 1827 по 23 февраля 1828 г. проводил общую ревизию губернии. Приехавший из столицы сенатор, безусловно, гораздо лучше местных чиновников представлял настроения Николая I на конец 1827 г.²⁹ К тому же, зная практику подготовки сенаторских ревизий, можно с большой долей вероятности утверждать, что перед отъездом на ревизию сенатор был уведомлен о самых «горячих» проблемах губернии (в том числе ему могли быть переданы предложения губернатора Рыхлевского и генерал-губернатора Клокачева о необходимости открыть в Олонецкой губернии самостоятельную епархию, а также тревожная статистика о росте в губернии числа старообрядцев).

Одним из результатов этой ревизии стал доклад сенатора императору о положении старообрядцев в Олонецкой губернии. В связи с тем что этот доклад известен исследователям³⁰, изложим его суть очень кратко. Получив известие по приезду в губернию о том, что «в некоторых местах сей Губернии существуют разные старообрядческие расколы», Баранов сформулировал причины, которые, по его мнению, способствуют уклонению от православия и распространению расколов, а именно: 1) незнание жителями, «наипаче в Повенецком уезде, находящемся посреди Карелии», русского языка, отчего они остаются равнодушными к «пастырским поуче-

²⁹ Предполагаем, что Николай I, тогда еще не определившийся в своей конфессиональной политике, находился под впечатлением «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» от 5 февраля 1827 г., составленной С. Д. Нечаевым, который был в составе следственной комиссии, расследовавшей дело о фальшивомонетчиках на каштымских заводах, собственниками которых были раскольники. В качестве способов борьбы с расколом им предлагалось «просвещенное человеколюбие» и «великодушное смирение, нежели к строгим взысканиям за драгоценные для них заблуждения». Благодаря этой записке Нечаев был назначен в Синод, где считался специалистом по старообрядчеству и сектантству [Шкерин 2006: 24–25, 32, 35]. В качестве другого доказательства неготовности Николая I перейти к активным способам борьбы со старообрядцами и в начале 1828 г. является его реакция на «предложения» саратовского губернатора А. Б. Голицына, которые он признал «слишком уж противозаконными» [Зеньковский 2006: 452].

³⁰ Смотри, например, работы: [Пулькин 2002: 288–289; Чернякова 2003: 96–113; Пашков 2010: 98–108].

ниям священников, тогда как раскольники чрез частое с ними обращение по делам торговым, ознакомясь с их языком и обычаями, подчинили их своему влиянию»; 2) зависимость священников от раскольников, которые получают от них денежное содержание; 3) поддержка раскольничьими монастырями крестьян хлебом в годы частых неурожаев; 4) поддержка раскольничьих монастырей «большими вкладами» со стороны богатых лиц³¹.

Однако, на удивление, способы «к врачеванию» этого зла сенатор предлагал только мирные, а именно: «кротость и христианское назидание», и состоять они должны были в: 1) учреждении отдельной епархии и духовного училища в г. Повенце из детей старообрядцев; 2) расширении числа церквей, которые разрешить строить из леса без взимания попенного сбора, 3) назначении священниками в приходы Повенецкого уезда Соловецкого и Палеостровского монастырей, известных «своей кротостью нравов и благочестием», но с содержанием, независимым от прихожан; 4) прекращении Олонецкой казенной палатой приписки крестьян к старообрядческим монастырям [НА РК 25: Оп. 15. Д. 7/153. Л. 1–3; НА РК 593: Оп. 3. Д. 2. Л. 154–158]. Как известно, данный рапорт произвел впечатление на Николая I, который собственноручно написал на нем: «Я совершенно согласен на предлагаемые меры сенатором Барановым. Святейшему Синоду избрать епископа, назначив, где иметь пребывание». Исполнительный доклад Синода царь утвердил 22 мая 1828 г. Епископом Олонецким и Петрозаводским был избран новгородский викарий Игнатий, который 7 августа прибыл в Петрозаводск [НА РК 593: Оп. 3. Д. 1/2. Л. 158об.–163; НА РК 1: Оп. 52. Д. 1/2. Л. 134; РГИА 1341: Оп. 29. Д. 1036; Олонецкая епархия 2001: 9].

Официально о мерах, предложенных сенатором, генерал-губернатор С. И. Миницкий был извещен министром внутренних дел А. А. Закревским в отношении от 22 сентября 1828 г. 27 сентября об этом же поставил в известность губернатора П. А. Лачинова епископ Игнатий. В своих предложениях от 5 и 21 октября 1828 г. генерал-губернатор поручал губернатору

³¹ В частности, среди прочих называлась Санкт-Петербургская купеческая девица Наталья Галашевская, которая была законной наследницей петербургского купца-раскольника Долгова. А. В. Пыжиков полагает, что она была только номинальной владелицей, реально же, как указано в его аннулированном властями духовном завещании, его состояние унаследовало Выголексинское общежительство. В 1828 г. олонецкий губернатор П. А. Лачинов при первом осмотре губернии обратил внимание на то, что предписанных законом богоугодных заведений в селениях нет, но таковые есть в выголексинских раскольничьих селениях (1 мужское и 3 женских), которые содержатся на деньги Галашевской. Лачинов заключал: «Богатством своим более вредна, чем полезна, ибо без ее поддержки не могло бы быть в таком количестве сброду раскольников в тех селениях» [Пыжиков 2013: 175–176; РГИА 1286: Оп. 4. Д. 907. Л. 53–54].

привести высочайшую волю в исполнение, а также потребовал представить «местные соображения... о мерах обращения тамошних старообрядцев к принятию постановлений христианской церкви». Заметим особо, что к последнему предложению С. И. Миницкий приложил анонимную записку о Выгорецком старообрядческом монастыре, в которой, между прочим, отмечалось: «Для ослабления и уничтожения Выгорецких старообрядческих монастырей должны употребляться самые кроткие и политические меры, ибо гонения не истребляют, а только усиливают раскол. При благоразумных мерах Правительства, из коих главная есть возвышение состояния священнослужителей в нравственном и физическом отношении, сами собою уничтожатся расколы, кои доселе поддерживались и возжигались усердием и связями умных старшин. Нынешний большак их человек весьма ограниченный, не имеющий даже между собратьями своими должного уважения, а потому не в состоянии управлять сей огромною машиною и скоро доведет общество до разорения»³².

В своем ответе от 4 декабря 1828 г. Лачинов пространно рассуждал о мерах «на будущее». Однако большинство из предлагаемых мер не были оригинальными и вторили предложениям либо сенатора, либо епископа. Собственной его инициативой следует признать лишь реанимацию вопроса об учреждении нового тракта из Санкт-Петербурга (через Петрозаводск, Повенец, старообрядческие скиты, Онегу) в Архангельск. Это, по мнению губернатора, не только существенно бы уменьшило расстояние между столицей и северным портом и улучшило путь паломников в Соловецкую обитель, но и сделало жилища старообрядцев «открытыми для света, которого они до сего времени чуждаются столько же, как и Православия» [РГИА 1286: Оп. 4. Д. 278. Л. 150–180; НА РК 1: Оп. 36. Д. 29/12. Л. 12, 19–20; Д. 29/23. Л. 49–53, 69–76; Оп. 38. Д. 5/21. Л. 235–238]. Однако генерал-губернатор в своей записке на высочайшее имя от 14 марта 1829 г. крайне негативно отозвался об этом дорожном проекте, указав не только на его дороговизну и существование другого пути³³, но и на то, что «по Олонецкой губернии старообрядцы живут не только в скитах, но и в городах и даже в Петрозаводске в глазах у г. Лачинова, которые так же, как и в Повенецких скитах, чуждаются православия и явно старообрядствуют», поэтому не поможет и дорога [НА РК 1: Оп. 38. Д. 5/21. Л. 235–238; РГИА 1286: Оп. 2. Д. 799. Л. 35–37; Оп. 4. Д. 278. Л. 76, 185–186].

³² Имелся в виду бывший после смерти К. Михайлова с 1825 по 1830 г. настоятель Федор Петров [Островский 1914: 98].

³³ Для достижения Соловков паломники пользовались водным путем через Кемь.

Другим не менее важным сигналом к началу более активных действий олонекской губернской администрации в отношении старообрядцев, как мы полагаем, стало циркулярное предписание (по секретной части) министра внутренних дел А. А. Закревского губернаторам от 15 января 1829 г. При нем находилась выписка из Высочайше утвержденных постановлений о раскольниках (собственно, они представляли из себя сводку принятых в разное время о них постановлений, начиная с 1820 г.). Обратим особое внимание, что этим циркуляром губернаторам предписывалось в случае возникших у них сомнений в применении этих узаконений представлять об этом прямо в МВД, «не передавая сих дел в Губернское правление». Таким образом, устанавливался строжайший порядок секретности при разрешении дел о раскольниках. Генерал-губернатор, находившийся в это время еще в Санкт-Петербурге, в своем предложении от 28 февраля приказал губернатору доводить и до его сведения о всех таких случаях, а также «всякой раз немедля ни мало извещать меня секретно о всем том, что касается до раскола и определяемых Вами мерах и распоряжениях по сей части» [НА РК 2: Оп. 47. Д. 2/1. Л. 14]. Сам же он собирался говорить об этом лично с министром, так как в краткой записи об этом намерении сказано: «о старообрядцах, что они не в одной Олонекской губернии существуют и что кажется лучше с ними поступать с осторожностью, кротостью и терпением, а не вдруг» [ГААО 1367: Оп. 1. Д. 560. Л. 83].

Не бездействовал после своего прибытия в Петрозаводск и епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий, который начал знакомство со своей епархией с ее обозрения, во время которого, как он сам пишет, им были посещены и старообрядческие монастыри на Выге. Как можно предположить, именно в ходе этой поездки у епископа и возник план, который он поспешил обсудить с возвращавшимся из Санкт-Петербурга в Архангельск С. И. Миницим. Приехавшего 3 апреля 1829 г. в Петрозаводск генерал-губернатора с нетерпением ожидали кроме Игнатия только что освободившиеся «от гнета» удаленного от должности губернатора Лачинова временно исполнявший его должность вице-губернатор Б. И. Пестель и советники Олонецкого губернского правления (в том числе и сосланный сюда за связь с декабристами известный писатель Ф. Н. Глинка), с которыми, как мы думаем, также обсуждались способы борьбы со старообрядцами.

Результатом беседы стала записка, составленная епископом Игнатием, в которой он впервые изложил предполагаемые меры борьбы с расколом. К сожалению, она до сих пор никем из исследователей не найдена, но,

по-видимому, именно ее текст Игнатий частично воспроизвел в своем рапорте Синоду от 31 мая 1836 г.³⁴ Самой примечательной из мер следует признать следующую: карельский язык, как «особенный язык раскола» и тем более «не имевший ни прежней ни нынешней письменности», может и должен быть выведен из употребления карелов. Епископ так аргументировал эту необходимость: при оставлении же карельского языка карелы «оставались бы навсегда не склонными к Церкви и Святым книгам», а также отчужденными «от общего отечества даже в Гражданском отношении; а язык общий сделал бы их всех доступными общенародному образованию, коего здешний край по природным способностям карелов и близости к столице весьма достоин». Однако добиваться своей цели епископ предположил неожиданным способом: в своем донесении Синоду от 14 мая 1829 г. он написал о необходимости открытия в Петрозаводске духовной семинарии, имеющей в своем составе особый класс карельского языка. Вот как объяснялась им эта мера: «В семинарии должен быть класс карельского языка не столько для разговора, сколько для навыка неумеющих по Русски жителям здешней Епархии, коих очень много, изъяснять истины до веры и нравов касающиеся... Хотя язык Корельский не имеет книжного бытия, по многим отношениям весьма ненадобный, должен по некотором времени выведен из употребления, как о сем уже и входил я в совещание с Гражданским Правительством, к чему и со стороны сего Правительства сходятся убедительные причины; но пока меры к сему будут иметь свое действие, для первоначального привлечения их самих в действие, необходимо духовным знать язык Корельский с тем, чтобы со временем никто из прихожан не знал его»³⁵.

Со своей стороны генерал-губернатор Миницкий в 1829 г. в своем донесении министру внутренних дел написал: 1) что «Олонецкий Преосвященный, бывши в Выгорецких старообрядческих монастырях, заметил, что в окружности оных крестьяне ведомства Казенной палаты по местному положению своему весьма бедны и требуют особого попечения об них начальства, и что посему он, генерал-губернатор, предложил Вице-губернатору узнать подробно о промыслах и хлебопашестве окрес-

³⁴ Этот рапорт, в свою очередь, был ответом на указ Синода от 30 апреля 1836 г. о доставлении ему сведений, необходимых к принятию мер «об утверждении карелов в православии и ослаблении на них влияния раскольников Поморской секты» [НА РК 25: Оп. 20. Л. 1–2, 40об.–52]. Желających подробно ознакомиться с его содержанием отсылаем к работе: [Пашков 2010: 101–109].

³⁵ 27 июля 1829 г. был высочайше утвержден доклад Комиссии Духовных училищ о прибавке к Олонецкой семинарии по штату класса карельского языка. Семинария была открыта 27 октября 1829 г. [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 18–19, 39].

тных к этим скитам селений Повенецкого уезда и сообразить, какие бы можно было предпринять меры к улучшению их состояния, так, чтобы они не зависели от пособия старообрядцев, которые в скудости им делают вспомоществование и тем их к себе привязывают»; 2) что сам он, проезжая через Олонецкую губернию, заметил, что жители около Петрозаводска «мало знают по-русски и по последней к городу станции из Санкт-Петербурга мужчины и женщины говорят по-карельски, не умея или с нуждою могут объясняться по-русски. На сие доньше не обращали внимания, хоть в судах и следствиях для самих поселян бывает затруднительно, а для следователей остановка и трудность открывать истину». Поэтому «надобно бы было вменить в обязанность Олонецкому губернскому начальству, наипаче управлению Олонецких горных заводов, в ведомстве коего состоят казенные крестьяне целого Петрозаводского уезда, стараться о распространении русского языка, и чтобы корельский, как не книжный и ни к чему не нужной, мало по малу ослаблялся, и... можно бы воспретить волостным начальствам в каждом селении стараться не говорить без нужды по корельски, ибо во всякой вотчине есть хотя один знающий русский язык, которые обыкновенно и занимают упоминаемые мирские должности, и дабы точно сие исполнилось, то велеть бы доносить, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин; земским же и другим губернским чиновникам в проездах своих замечать, есть ли успех в сем деле», внушать «о пользе того сельским поселянам и поощрять в познании русского наречия» [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 3; НА РК 37: Оп. 5. Д. 190/1878. Л. 1–2, 4].

Последствием этого отношения было: 1) распоряжение министра финансов Е. Ф. Канкрин директору Олонецких горных заводов А. А. Фуллону, чтобы он и его подчиненные «старались», чтобы подведомственные им крестьяне «научились русскому языку и исправили свое домоводство»; 2) разрешение министра внутренних дел А. А. Закревского обратиться генерал-губернатору С. И. Миницкому свое предположение для исполнения в Олонецкое губернское правление. Правда, при этом последний высказал сомнение – не будут ли предполагаемые генерал-губернатором меры «стеснительны для крестьян»? В силу этого С. И. Миницкий предложил Олонецкому губернскому правлению предписать земским судам исполнить его одобренное министрами представление, а также подумать, какие еще следует предпринять меры. Чуть позже генерал-губернатор подключил к обдумыванию этих мер и нового губернатора И. Я. Яковлева, передав ему на обдумывание два рапорта вице-губернатора Б. И. Пестеля, а также посоветовал предварительно снестись с епископом Игнатием и «стремиться к единой

цели с кротостью и терпением», ожидая «присоединения раскольников к нашей Церкви».

Губернское правление своими отношениями от 11 сентября и 26 октября 1829 г., во-первых, отдало соответствующее приказание земским судам, обязав их еще при этом доносить себе «по истечении каждой трети, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин», и, во-вторых, запросило об этом же Казенную палату, Духовную консисторию, Петрозаводское заводское правление и директора народных училищ Олонецкой губернии [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 5, 7–8, 26–28].

Ответы на запросы генерал-губернатора были следующими. Директор олонечских народных училищ М. И. Троицкий написал, что «не находит другого средства, как восполнение и умножение приходских училищ по многочисленности карельских приходов». Епископ Игнатий сообщил Олонецкому губернскому правлению, что всем священникам под подписку объявлено, «дабы они исполнили сделанное Гражданским Правительством распоряжение». И только одно Петрозаводское заводское правление выступало против того, чтобы запретить волостным головам и старшинам изъясняться на карельском языке, так как полагало, что это «неминуемо подаст повод к притеснениям, тем более опасным, что происходило бы в отдаленных и малонаселенных местах над людьми, которым по незнанию русского языка не столь удобно можно жалобы свои приносить начальству». Гораздо безопаснее было бы, по мнению горного начальства, «только предлагать волостным головам и старшинам внушать при всяком удобном случае о пользе знания русского языка» и чтобы они «уговаривали бы посылать детей своих в приходские училища и убеждали бы всех по воскресным и праздничным дням ходить в храм Божий, где кроме христианского учения привыкали бы к наречию русскому». Хотя в своем предложении от 28 февраля 1830 г. Е. Ф. Канкрин и советовал А. А. Фуллону «уговорить» крестьян открыть училища, но нетрудно предугадать, чем закончилась эта переписка: так, в своем донесении от 24 мая 1830 г. Правление сообщило Фуллону, что крестьяне Салменижской вотчины отказались от их открытия по своей «недостаточности», но обязались учить русскому языку своих детей дома [НА РК 25: Оп. 20. Д. 78/906. Л. 6–7, 28–32; НА РК 37: Оп. 5. Д. 198/1878. Л. 7–10; Оп. 20. Д. 198/1878. Л. 19–23].

Подводя итоги, можно заключить, что из пяти черт этноконфессиональной политики Российской империи, признаваемых большинством современных исследователей, в отношении Олонецкой губернии в 1820-х гг. действовали только три: этатизм, патернализм и принятие решений по принципу «ad hoc». Из них, в свою очередь, наиболее очевидно

проявлялся этатизм, так как инициатором кампании по переводу религиозных текстов на карельский язык, а также подсчета карелов и старообрядцев всегда являлось центральное правительство. Карелы, как нерусский этнос, обратили на себя внимание государственных органов лишь в целях религиозного эксперимента Александра I и в связи с «зараженностью расколом». Для более успешной борьбы со старообрядчеством губернские светские и религиозные власти в конце 1820-х гг. выступили с совместной инициативой, поддержанной центральными органами, о скорейшем выведении карельского языка из употребления как «языка раскола». И в этом случае интересы самого этноса не учитывались.

Что касается такой черты, как толерантность, то можно согласиться с тем, что правовая дискриминация карелов по этническому признаку отсутствовала. Это во многом объясняется тем, что карелы уже давно были интегрированы в российское государство и крещены. Говорить же об отсутствии в Олонецкой губернии правовой дискриминации по конфессиональному признаку не приходится. Имперское правительство в 1820-х гг. проводило весьма неопределенную («колебательную») политику: с одной стороны, демонстрировало терпимое отношение к старообрядчеству, а с другой – путем секретных узаконений и партикулярных распоряжений не поощряло его распространение. Такая политика, безусловно, ставила местный аппарат во главе с генерал-губернатором в трудное положение, требуя определенной оперативности при реагировании на ее резкие колебания. Но в любом случае губернские органы подчинялись общему правительственному курсу.

Источники

ВЦА 233 – Великоустюжский центральный архив. Ф. 233 (Никольское городническое правление).

ГААО 1367 – Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367. Канцелярия архангельского, вологодского и олонеккого генерал-губернатора.

НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Канцелярия олонеккого гражданского губернатора.

НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Олонецкое губернское правление.

НА РК 25 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Олонецкая духовная консистория.

НА РК 27 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 27. Олонецкий губернский статистический комитет.

НА РК 37 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 37. Олонецкое горное правление.

НА РК 126 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 126. Петрозаводское уездное духовное правление Олонецкой епархии.

НА РК 593 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 593. Петрозаводский кафедральный собор.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: в 45 т. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830.

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: в 55 т. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830–1884.

ПСИР 1915 – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1. 1825 (декабря 12) 1835 гг. Петроград: тип. 1-й Петроградской Трудовой Артели, 1915. 938 с.

РГИА 1409 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества канцелярия.

РГИА 1341 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1341. Первый департамент Сената.

РГИА 1286 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД.

Литература

Авл. (?) «Французский парламент» в Петрозаводске // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 132–133.

Амозова Л. Н. Земледельческое производство в Олонецкой губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 97–104.

Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество: лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: изд-во журнала «Церковь», 1996. 316 с.

Вышленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России в первой четверти XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 467 с.

Ефимова В. В. Этноконфессиональные проблемы в деятельности генерал-губернаторов Европейского Севера России (1820–1830). Петрозаводск: ПетрГУ, 2017. 141 с.

Жуковская Т. Н. Николай I и поиски национальной идеологии // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 88–96.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М.: Ин-т ДИ-ДИК, 2006. 687 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общей ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 945 с.

Кабузан В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М.: Издат. Центр Ин-та российской истории РАН, 2008. 270 с.

Каттелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, История, Распад / Пер. с нем. С. Червонная. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

Керов В. В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. 658 с.

Кондаков Ю. Н. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 225 с.

Министерство внутренних дел. 1802–1902: Исторический очерк. СПб.: тип. МВД, 1901. 225 с.

Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими особами в XIX столетии: ист. сб. Вып. 1 / Под ред. А. Иванова. Петрозаводск: изд-во Олонецкого Губернского Статистического Комитета, 1877. С. 1–48.

Олонецкая епархия. Страницы истории / Сост.: Н. А. Басова и др. Петрозаводск: Петрозавод. и Карел. епархия; Нац. арх. РК, 2001. 253 с.

Островский Д. В. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1914. 137 с.

Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX века: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 338 с.

Пашков А. М. С. А. Приклонский – исследователь старообрядчества Карелии // Женщина в старообрядчестве. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. С. 59–66.

Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. 446 с.

Полунов А. Ю. Рец. на кн.: «О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России» / Под ред. Р. Джераси и М. Ходарковского. Итака; Лондон, 2001 // Отечественная история. 2003. № 5. С. 198–199.

Пулькин М. В. Языковые проблемы в деятельности православного духовенства на территории Олонецкой епархии в XVIII – начале XX в. // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. М. Пивоев. Вып. 2. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 36–38.

Пулькин М. В. Карельский язык в деятельности органов государственной власти и крестьянского самоуправления в XVIII – начале XX века // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: Сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. С. 285–301.

Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – 1-я треть XX в.). М.: Круглый стол, 1999. 208 с.

Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории с XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.

Ружинская И. Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII – середине XIX в.: численность, расселение и состав: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02; Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск, 2002. 230 с.

Скворцов Д. И. Очерки Тверского раскола и сектантства. М.: Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича, 1895. 116 с.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008. 512 с.

Стелецкий Н. С. Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1901. 314 с.

Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab imperio*. 2001. № 1. С. 9–72.

Таранец С. Старообрядчество в Российской империи (конец XVIII – начало XX в.): В 2-х т.: Т. 1. Взаимоотношения старообрядческих сообществ с государством и официальной церковью / Под ред. чл.-кор. НАН Украины Г. В. Борака. Киев, 2012. 704 с.

Трепавлов В. В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // *Историческая психология и социология истории*. 2009. № 1. С. 61–65.

Тягин И. Н. Старообрядческое население Европейского Севера России во второй половине XVII – начале XX в.: Дис. ... канд. истор. наук. Вологда, 2002. 215 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования по истории русской культуры. В 2-х т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 606 с.

Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // *Православие в Карелии* / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: ПетрГУ, 2003. С. 96–113.

Шкерин В. А. «Драгоценные заблуждения»: декабрист С. Д. Нечаев о старообрядчестве и сектантстве // *Вестник РУДН*, сер. «История России». 2006. № 1 (5). С. 24–36.

Юхименко Е. Л. Старообрядчество: История и культура. М.: PNB Print, 2016. 852 с.

Сведения об авторе. Кандидат юридических наук, доцент Института экономики и права, ПетрГУ